

Владимир Улахович

Система современных международных отношений характеризуется высокой степенью подвижности и стремительной динамикой качественных изменений. Преимуществом обладают те государства, которые способны мгновенно реагировать на происходящие перемены, быстро адаптироваться к новым вызовам, осваивать постоянно возникающие новые «правила игры», соизмеряя цели и ресурсы, используя свои экономические, политические, информационные и интеллектуальные возможности. В этих условиях решения, продуманные лишь на полшага вперед и опирающиеся на субъективные или конъюнктурные соображения, не только не эффективны, но могут иметь долговременные негативные последствия и даже нанести прямой ущерб национальным интересам страны.

Ведущие государства мира прилагают все усилия для создания высокоэффективного механизма подготовки, принятия и продвижения решений по ключевым вопросам международной деятельности. Такого рода механизмы, как правило, имеют коллегиальный характер, характеризуются вовлеченностью многих субъектов внешней политики и опираются как на аналитические разработки, так и на основательную научную экспертизу.

Относительная новизна исследуемой проблемы, ее междисциплинарная специфика изначально определяют дефицит фундаментальных научных публикаций. Приходится признать, что полноценных специальных исследований, известных широкому научному сообществу практически не существует. Однако различные аспекты проблемы рассматриваются во многих публикациях более узкого или смежного характера. В первую очередь, стоит упомянуть признанные работы по теории международных отношений и внешней политики [1; 3; 13; 22]. Отдельно можно выделить исследования о деятельности научно-аналитических структур в области внешней политики [5; 8; 11; 17; 34; 35; 41; 42; 46; 48].

Вполне естественно, что принятие решений во внешней политике можно рассматривать в рамках универсальных принципов управленческой деятельности, как иногда предлагается специалистами [19; 20]. При этом некоторые ученые полагают, что такой подход позволяет наиболее эффективно и беспристрастно рассмотреть проблему, отметить закономерности ее решения [7].

Методика разработки внешнеполитических решений

Среди проблем, возникающих в связи с механизмом принятия решений во внешней политике, на одно из первых мест выходит методика и орга-

низационные формы подготовки решений. В классической науке управления функции принятия решений придается особое значение, она является ключевой и аккумулирует важные управленческие действия: анализ, планирование и координацию мероприятий.

Наиболее простой и распространенной считается *сопоставительная, или вариантная, методика*. При подготовке рекомендаций для политического руководства давно утвердилась практика представления нескольких вариантов решения той или иной проблемы, оценки связанных с каждым из них преимуществ и издержек. Эта методика способствует исключению инерционных подходов и решений, отказу от стереотипов. При выработке окончательного решения могут быть использованы приемлемые компоненты разных вариантов [10, с. 21].

Однако вариантный подход становится уязвимым, если один из субъектов выработки решения заинтересован в определенном варианте. Преодолеть такой бюрократический сбой помогают методики другого уровня — системные. *Системная методика* проработки внешнеполитических решений направлена на предварительное раскрытие, сопоставление и взвешивание наиболее существенных аспектов выдвигаемых версий решения проблемы. Такая методика была разработана в одном из самых известных в мире научно-аналитических центров — Корпорации РЭНД [26]. В упрощенном виде она включает следующие элементы: пояснение проблемы, ее расчленение на основные компоненты и выявление главных взаимосвязей между ними, исключение второстепенных взаимосвязей для их учета на более позднем этапе; определение целей политики или вариантных наборов целей с помощью разграничения различных точек зрения; оценку стоимости намечаемых действий; учет момента неопределенности с тем, чтобы выбор действий не утратил своего значения при возникновении непредсказуемых ситуаций; сопоставление вариантов [4; 21; 23; 31; 33].

Еще один методологический прием, иногда называемый *процедурной методикой*, заключается в специальной технике оформления внешнеполитических решений, их развернутости и доказательности. Отголоском этого является широко распространенная практика подготовки меморандумов, рабочих материалов, докладов, охватывающих широкий круг вопросов внешнеполитической стратегии. Важный методический аспект — адекватная формулировка, верная постановка проблемы [6; 24].

Автор:

Улахович Владимир Евгеньевич — директор Центра международных исследований Белорусского государственного университета

Рецензенты:

Снапковский Владимир Евдокимович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Мацель Валерий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Среди других методик стоит также упомянуть *метод проблемного структурирования*. Этот метод позволяет политическим экспертам входить в процесс формирования политики еще на этапе разработки повестки дня. А разрабатываемые подходы ориентируются на движение от относительно неструктурированных методов типа коллективных неформальных обсуждений или «мозговых штурмов» к более структурированной теории статистических решений. Такая методика помогает обнаружить скрытые предположения, диагностировать причины, выбрать цели, синтезировать находящиеся в противоречии перспективы и обнаруживать новые политические возможности [18].

Метод предсказаний призван обеспечить релевантное знание относительно будущих условий, которые должны предположительно наступить после принятия одной из политических альтернатив. Это помогает исследовать вероятное, потенциальное и желательное будущее, оценить столкновение существующего и предложенного курса, опознать возможные препятствия и оценить его выполнимость.

Широко распространенной является *методика рекомендаций*. Многие методы рекомендаций, включая «анализ выгоды и затрат» и метод «оптимизации», были сформулированы в экспертных сообществах, а затем стали широко применяться в практике государственного управления и частного бизнеса.

Метод мониторинга и метод оценки также хорошо известны. Многие правительственные и частные структуры контролируют результаты своей политики и своего влияния посредством различных социальных и экономических индикаторов.

Четыре последних метода описаны в различных пособиях по вопросам управления [9; 28; 36; 51].

Активное применение научных разработок указывает на развитие взаимосвязи между практикой и научным знанием. Однако остается проблемой доведение мнения экспертов до лиц, принимающих решения. Эту задачу усложняют переплетение компетенций различных политических институтов, делегирование властных полномочий на наднациональный уровень. С другой стороны, не менее часто исследователи со скепсисом относятся к возможности конвертировать свой интеллектуальный капитал во влияние на лиц, принимающих решения: «большая часть современного научного знания либо нерелевантна, либо недоступна политикам... Работы ученых насыщены ссылками на труды своих коллег; эксперты обращаются скорее друг к другу, чем к широкой публике... Экспертный продукт создается таким образом, чтобы его автор получил признание в тех академических кругах, которые смогут обеспечить его профессиональное продвижение» [44, р. 62].

Суть проблемы в том, что значительный объем традиционных академических исследований по существу сводится к обобщению накопленных знаний. Задачи же прикладной науки, которая в первую очередь ценится практиками, начинаются там, где заканчивается традиционная академическая деятельность: для нее необходимо понять и кратко изложить суть новой проблемы, которой не посвящена еще ни одна публикация. Необходимо пред-

ложить и оценить варианты решения этой проблемы и лаконично аргументировать высказываемые автором рекомендации. Значительная часть ученых владеет искусством интерпретаций международных событий и процессов с точки зрения той или иной научной школы, но большинство не обладает умением писать для политиков кратко, просто и привлекательно.

Роль экспертно-аналитических структур («фабрик мысли»)

По мнению и специалистов и практиков, преодолению указанного выше расхождения способствуют специально-ориентированные структуры или специально созданные научные коллективы. Обычно речь идет о так называемых «мозговых центрах», или «фабриках мысли» (употребляются разные аналоги словосочетания *«think tanks»* — экспертные сообщества, «мозговые тресты», исследовательские центры и др.). Впервые они появились в США около 100 лет назад, в эпоху президентов Т. Рузвельта и В. Вильсона. Обычно в большинстве публикаций рассматривается исключительно американский контекст. Ориентация на американский опыт понятна и обусловлена несколькими причинами. В Америке наиболее развита система «фабрик мысли», и сам термин *«think tank»* является порождением американской практики. Уровень глобального влияния политики США на развитие «фабрик мысли» и публичную политику также не вызывает сомнения. И наконец, американские «фабрики мысли» наиболее ярко и полно присутствуют в открытых источниках информации, в частности в Интернете.

Их возникновение было предопределено задачами так называемой политики реформизма, проводимой указанными президентами. С одной стороны, в этот период США пережили выход из изоляционизма, что требовало более масштабных оценок, глобального мышления, академической подготовки, с другой — во внутренней политике это совпадало со стремлениями нового политического истеблишмента провести профессионализацию власти. Представители деловой и политической элиты стали финансировать исследовательские центры и пользоваться их услугами при решении проблем, обострившихся в период промышленного роста первых десятилетий XX в. Тогда же в экономике, социологии, политологии начали проводиться интенсивные исследования, направленные на выработку специальных знаний и прикладных методик. «Мозговые центры» создавались именно с целью выработки таких знаний.

Фонд им. Расселла Сейджа, основанный в 1907 г., стал первой организацией филантропического характера, финансирующей общественно-научные исследования. По его примеру в 1916 г. при поддержке Джона Д. Рокфеллера-младшего и других видных предпринимателей был основан Институт изучения государственного управления. В 1927 г. этот институт объединился с двумя другими организациями — Институтом экономики и Брукингской высшей школой экономики и государственного управления. Объединение получило название Институт Брукинга.

Первым центром, занимающимся исключительно внешней политикой, стал Фонд международного мира Карнеги (*CEIP*), основанный в 1910 г. для исследования проблем войны и мира, урегулирования конфликтов. Первая мировая война породила острые дискуссии о месте и роли США как новой глобальной державы. В конце 1917 г. советник президента В. Вильсона Э. Хаус стал проводить регулярные консультации с ведущими учеными, пытаясь выработать новый американский подход к устройству мира после окончания войны. Многие рожденные тогда идеи были положены в основу формирования так называемой Версальско-вашингтонской системы международных отношений. Группа Хауса, ставшая известной как «Исследование», включилась в работу американской делегации на Парижской мирной конференции в качестве консультантов. В 1921 г. в ее состав были включены представители финансовых кругов, известные юристы и профессора. С этого же года она работает как Совет по международным отношениям (*CFR*). Разработанный им проект Хартии Лиги наций стал одним из базовых при создании этой организации [30, с. 5].

Следующее поколение «фабрик мысли» возникает после Второй мировой войны. Именно тогда, в 1946 г., создается, вероятно, самый известный «мозговой трест» — Корпорация РЭНД (*RAND Corporation*). Слово *RAND* образовано из двух: *research and development* — исследование и развитие). Привлечение научной и аналитической мысли к разработке политической и государственной стратегии становится регулярным и более масштабным. Корпорация РЭНД, учрежденная как независимый некоммерческий институт и получившая портфель заказов министерства обороны США, положила начало исследованиям в области системного анализа, теории игр, которые заложили методологию анализа оборонной политики. В РЭНД фактически была разработана «политика сдерживания» как внешнеполитическая доктрина. На это в своей публикации указывает старший советник Корпорации Роберт Э. Хантер [29, с. 34–35]. Методологическая универсальность разработок привела к тому, что они с успехом используются и в бизнес-практике, и в академических курсах по управлению [39, р. 58–62].

В 70-е гг. XX в. возникает новая генерация экспертных структур с более широкими возможностями и функциями, возрастающим общественным значением. Прототипом центров нового поколения, имеющих определенную публичную позицию, называют Фонд наследия (*The Heritage Foundation*). Глава крупной компании из штата Колорадо Дж. Курз предоставил стартовый капитал для создания в 1973 г. Фонда наследия — «мозгового центра» откровенно консервативной направленности. Он стал первым центром нового образца, сочетавшим открытую приверженность определенной политике, партии или идеологии с агрессивной пропагандой и стремлением оказывать влияние на обсуждение вопросов текущей политики. Основатели Фонда наследия сначала пытались создать политический механизм, способный оперативно реагировать на либеральные предложения, выдвигаемые в Конгрессе. Но к концу 70-х гг.

Фонд наследия, обретавший все большую уверенность в своих силах, поставил перед собой другую цель: закрепить свое существенное участие в формировании политического курса и содействовать созданию новой консервативной коалиции, призванной заменить коалицию «Нового курса», которая определяла американскую политику и доминировала в политических кругах в течение полувека [30].

На протяжении 70–80-х гг. XX в. росло число «мозговых центров», которые создавались по образцу Фонда наследия: с четкой идеологической ориентацией, открыто декларирующих свою политическую позицию и нацеленных на пропаганду своих идей. Сотрудники этих организаций, как правило, имели схожие идеологические взгляды, а руководители использовали результаты исследований для укрепления аргументационной базы и продвижения соответствующей идеологии.

Окончание «холодной войны» также стало стимулом к развитию исследовательских структур. Сформировались и закрепились их новые роли, выросло значение. Особенностью стал международный характер деятельности многих из них, позволяющий ученым и специалистам различных государств эффективно и взаимопользовно сотрудничать в рамках того или иного проекта или института.

Становится больше «мозговых центров», которые изучают одну конкретную тему; нередко центры объединяют усилия для исследования крупной проблемы, используют новые технологии и средства массовой информации для распространения результатов своих исследований.

Итак, *think tanks* существуют около 100 лет, однако первая основательная монография, посвященная анализу этого феномена, появилась относительно недавно и принадлежала перу П. Диксона [37]. На русский язык она была переведена в издательстве «Прогресс» уже в 1976 г. и довольно быстро стала библиографической редкостью, а последнее русскоязычное издание было осуществлено в 2004 г. [8].

Функции «фабрик мысли»

Think tanks кроме общепризнанной функции производителя оригинальных новых идей способствуют профессиональному росту и вовлеченности будущих и бывших политиков, государственных чиновников и экспертов (так называемая практика «вращающихся дверей»), предлагают интеллектуальные площадки для дискуссий и обсуждений на разном уровне, повышают информированность граждан в области международной политики [30] и помогают официальным структурам налаживать так называемую *second track of diplomacy* — неформальную коммуникацию, способствуя преодолению разногласий и кризисов, проведению неофициальных консультаций по деликатным вопросам [27, с. 584].

Анализируя деятельность исследовательских структур как общественного явления, специалисты выделяют их основные признаки. Общепринятой стала методика, включающая несколько определяющих критериев:

- учреждение должно функционировать на постоянной основе;
- оно должно специализироваться на выработке решений по общественной политике, идей, рекомендаций, проведении анализа;
- персонал работает на постоянной основе и занимается проведением исследований;
- первоочередная цель — согласованность исследований с нуждами лиц, ответственных за принятие решений;
- учреждение пытается эксплицитно или имплицитно действовать в интересах общества [40, p. 2–3].

Основная ниша, где действуют *think tanks*, — пространство между академическим миром, с одной стороны, и структурами власти — с другой. В академиях и университетах научно-исследовательская работа традиционно определяется теоретическими и методическими дискурсами, порой довольно абстрактными и отдаленными от насущных политических проблем. В органах же государственного управления чиновники обычно перегружены текущими делами и не имеют времени и достаточных методологических, ретроспективных, а порой и конкретных знаний для научных рефлексий международных проблем. Восполняя этот разрыв «между миром идей и миром действий», и функционируют «фабрики мысли».

Функции исследовательских структур довольно многообразны и могут быть акцентированы в зависимости от конкретного случая. В самых общих рамках эти функции могут быть следующими:

1. *Выработка собственно интеллектуального продукта* — новых идей, оценок, подходов, взглядов, приоритетов, всего того, что в итоге может привести не только к оптимальным решениям и действиям, но и к новому мировоззрению.

2. *Функция «профессионального тренинга»*. Ее особенность состоит в том, что работа исследовательских структур позволяет «не выпасть» из профессии политикам, временно отошедшим от управления страной, а также формироваться будущим государственным служащим, политикам, специалистам в экспертной среде, не менее профессиональной, чем госслужба.

3. «Мозговые центры» объединяют специалистов, внешнеполитическую элиту, но они играют и *просветительскую функцию*, информируя граждан, привлекая внимание общественности к той или иной проблеме.

4. Наконец, «мозговые центры» могут играть еще более активную внешнеполитическую роль, организуя диалоги по сложным проблемам, обеспечивая посредничество и реализуя *функцию так называемой неформальной дипломатии*. С подачи Французского института политических исследований (IFRI) появилось даже понятие интеллектуальной дипломатии.

Численность «мозговых центров» растет, их роли также не остаются застывшими. Поэтому любое обобщение в данной сфере довольно условно. Современная индустрия «мозговых центров» состоит из организаций нескольких четко выраженных типов, отличающихся задачами, продукцией, источниками финансирования, а также составом и квалификацией сотрудников. Как правило, выделяют четыре категории институтов:

- *академические, или университеты без студентов;*
- *контрактные;*
- *пропагандистские;*
- *принадлежащие политическим партиям.*

Два последних типа часто относят к одной категории. Сотрудниками «мозговых центров», принадлежащих к категории университетов без студентов, чаще всего являются специалисты с ученой степенью, в основном из профессорского состава университетов. Это ученые с академической подготовкой; они придают большое значение принятым в общественных науках нормам объективности и полноты исследований, а результаты исследований публикуют в виде книг и статей.

Контрактные научно-исследовательские центры работают по заказам госучреждений или частных компаний. Масштабы и сложность задач организаций этой категории часто требуют привлечения научных коллективов исследователей.

К категории пропагандистских исследовательских центров относят организации разной идеологической направленности. Они, как правило, стремятся реагировать на текущие запросы политических лидеров, оказывать на них влияние. Их обычная продукция — аналитические справки по конкретным вопросам, подготовленные по принципу обзора, синтеза или интерпретации предыдущих работ.

Euro-think tanks

В Европе первые центры появились в то же время, что и в США. В 1914 г. был создан Кильский институт мировой экономики (*I/W*), а через шесть лет — Королевский институт международных отношений в Лондоне. Оба института действуют по сей день. В современной Европе работает примерно 1000 институтов, а в странах Европейского союза в конце XX в. существовало около 670 центров [40, p. 3].

Интересное исследование относительно европейских «мозговых центров», в первую очередь в государствах ЕС, было осуществлено в 2004 г. независимой группой «Наша Европа». Она была основана в 1996 г. бывшим премьер-министром Люксембурга, а затем руководителем Европейской комиссии Ж. Делором. В нее вошли специалисты из разных стран, провозгласив себя независимыми *think tanks* по вопросам европейской интеграции, основателями «европейского экспертного дискурса». Исследование осуществлялось учеными: С. Баучером, Б. Хобсом, Ж. Эбеле, Ш. Лажле, М. Полетто, Д. Каттанео, Р. Вегржыном. Предпринята попытка оценить эволюцию исследовательских структур, исторический и теоретический контекст, операционную практику, основные фокусы их работ, потенциальных реципиентов, современные и будущие роли, особенно место и роль в процессе построения объединенной Европы [40].

Ученые «Нашей Европы» отметили, что большинство европейских структур так или иначе обращались к европейскому проекту — центральной и самой перспективной теме исследований европейских «фабрик мысли». Это подтверждается и динамикой создания институтов, ориентированных

на проблемы европейской интеграции: в 40-е гг. XX в. был создан только один такой центр; в 50-е — также один; в 60-е — еще один; в 70-е — два; в 80-е гг. — уже десять; в 90-е гг. — двадцать четыре. Тематика выглядит следующим образом: конституционные вопросы и вопросы европейского права; расширение ЕС; внутренние отношения и торговая политика; безопасность и оборона; экономика и валютно-финансовые проблемы; окружающая среда; социальная политика; политика развития и права человека; индустриальная политика; культура и образование; транспортная политика; информационное общество и технологическое развитие; отражение национальных интересов внутри сообщества и др. [40, р. 28]. Формулировка задач: оптимизация политических действий — 24,6 %; расширение участия граждан в управлении и политике — 22,2 %; поддержка полисемейкеров — 19,8 %; поддержка европейской интеграции и продвижение общего интереса — по 13,7 %; другое — 6 %. Европейские исследовательские структуры сыграли важную роль в формировании общественных взглядов, в развитии демократических процедур принятия решений и общеевропейской неформальной дипломатии [40, р. 30].

Авторы приводят следующую типологию европейских *think tanks*: евроспециализированные, евроориентированные исследовательские центры и др., а также вводят термин *euro-think tank*. Из 149 исследованных структур в 25 странах ЕС 36 занимают исключительно европейской проблематикой, для остальных 113 эта тематика — важнейшая область исследований наряду с другими темами. Около 3000 исследователей, работающих в европейских «фабриках мысли», образуют своеобразное европейское экспертное сообщество. В отличие от США, где данные структуры в основном сконцентрированы в столице и нескольких крупнейших политических центрах, в Европе характерна их равномерная распределенность. Так, в Брюсселе находится только 5 % институтов [40, р. 1].

Признается определенная ограниченность влияния структур в европейской политике, обусловленная недостатком внимания к их деятельности, часто основанном на общеевропейской бюрократической традиции государственной службы, узкой исследовательской «повесткой дня», неспешным внедрением новых научных методов исследований и своеобразной академической инертностью.

Анализ деятельности европейских аналитических структур (в том числе академических) свидетельствует, что наибольший интерес для них кроме европейской тематики представляют вопросы, связанные со стратегической стабильностью, ближневосточным и азиатским регионами, основными тенденциями развития Центральной и Восточной Европы и постсоветских государств.

Проблемы постсоветского экспертного сообщества

Среди исследовательских организаций на постсоветском пространстве наибольшим потенциалом обладают, безусловно, российские. Относительная упорядоченность российской внешней по-

литики последних лет объясняется также и тем, что в этой стране складывается механизм согласования интересов различных групп элиты посредством организации взаимодействия исследовательских групп и центров, которые обслуживают заказчиков, влияющих на принятие решений на государственном уровне. Достаточно острые дискуссии российских аналитиков весьма плодотворны и содействуют выработке общей внешнеполитической платформы.

В начале 90-х гг. XX в. фактически рухнула идеологизированная и малоэффективная в условиях общественно-политического перелома советская система экспертизы и аналитики в области внешней и оборонной политики. В 90-е гг. экспертное сообщество практически лишилось прежних институциональных структур, распались или ослабли крупные научные коллективы. Наиболее энергичные сотрудники основали небольшие институты и центры, лишённые инфраструктуры, необходимой для сбора и обработки информации. В их рамках нельзя было создать масштабные междисциплинарные группы, позволяющие генерировать новые идеи. Поэтому нынешнее российское экспертное сообщество состоит главным образом из способных, порой ярких личностей, которые мало конкурентоспособны в международном масштабе.

Наряду с уже отмеченной эффективностью деятельности российского экспертного сообщества многие исследователи отмечают ряд проблем в этой сфере.

Российские ученые выступают перед французами, китайцами, американцами порой гораздо чаще, чем перед своими согражданами. Это свидетельствует, что в научном сообществе складываются не совсем нормальные отношения, хотя международная тематика, как никакая другая, требует кооперации специалистов, исследователей и преподавателей. На это обращал внимание директор Российского института стратегических исследований (РИСИ) Е. М. Кожокин на семинаре «Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности» в Ивановском государственном университете (февраль 2003 г.) [12].

Для современного состояния российского экспертного сообщества в области внешней политики и безопасности типичным явлением пока еще остается недостаточность спроса на независимую экспертизу, в связи с чем мотивы экспертов часто становятся более приземленными, меркантильными. Продолжает падать роль существовавших прежде научно-исследовательских институтов, зачастую их место занимают небольшие центры и эксперты-одиночки. Размываются границы между экспертами и журналистами, нарушен механизм нормального воспроизводства сообщества, приток в него «свежей крови».

В рамках устранения данных проблем российские ученые предложили принять специальный закон о механизме разработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, который обеспечивал бы четкую координацию деятельности министерств и ведомств в этой области под руководством президента России в целях прове-

дения единой линии Российской Федерации в отношениях с другими государствами и международными организациями, а также создать в аппарате Совета Безопасности управление по координации стратегических исследований и Президентский консультативный совет по внешнеполитической информации [2].

Постсоветское научное сообщество претерпевает сложный, но необходимый процесс трансформации. Во многом сохраняется так называемая «первая модель» организации профессионального знания, которую называют административной, или традиционной. Иерархичность пронизывает эту модель сверху донизу, начиная с принципов организации научных мероприятий и заканчивая изданием материалов, где важно не столько их содержание, сколько значение самого факта публикации для карьеры и статуса автора. Поэтому так живуч в традиционных научных кругах устаревший и во многом изживший себя жанр «тезисов конференции»: родившись для того, чтобы облегчить восприятие докладов, он превратился в советское время в одно из важнейших подтверждений научной состоятельности исследователя.

Однако этим институциональная перестройка не ограничится. Очевидно, что новые экспертные организации будут возникать на нестандартной основе и в новых формах. Ключевую роль при этом сыграет Интернет, преобразующий доступ к информационным ресурсам и позволяющий публично выражать свои взгляды и идеи. Сеть ломает традиционную иерархию экспертных авторитетов и выстраивает новую. Интересные экспертные сообщества могут сложиться на базе интернет-форумов, достигших высокой степени самоорганизации и объединяющих компетентных любителей и профессиональных аналитиков [25].

Наконец, экспертиза претерпевает серьезные изменения на стадии представления ее результатов. Процессы, идущие в сферах международного бизнеса и международных отношений, заметно ускоряются, что требует и от экспертов более быстрой реакции. В идеале она должна стать чуть ли не мгновенной и транслироваться в режиме реального времени. Тексты придется выдавать все чаще, и они должны становиться все лаконичнее. Вероятно, будут сокращаться число и объем издаваемых монографий, зато вырастет значение докладов, как регулярных, так и подготовленных *ad hoc*. Доминирующей формой работы эксперта, возможно, станет оперативный комментарий в Интернете или других электронных средствах массовой информации.

Основные тенденции развития экспертных структур на современном этапе

Несмотря на многообразие современных «мозговых центров», их интенсивное развитие, и как следствие сложность их изучения и даже классификации, можно в качестве выводов попытаться выделить следующие наиболее общие тенденции, определяющие их современное состояние и возможную эволюцию.

1. *Количественный рост.* Однако, поскольку границы между «мозговыми центрами» и пропагандистскими организациями постепенно стираются, порой не ясно, какие из них следует причислять к категории архетипов, классических «мозговых центров».

2. *Сближение с политическими и государственными структурами и проблема влияния.* Для исследовательских учреждений, стремящихся активно участвовать в дискуссиях по формированию политического курса страны, важнейшим преимуществом является близость к структурам и лицам, ответственным за принятие решений. И эта сфера деятельности описываемых структур становится наиболее важной. Информационный взрыв последнего десятилетия привел к тому, что в политическом дискурсе стали господствовать субъективность, эмоции, медиапрезентации и т. п. Некоторые ученые полагают, что большинство зарегистрированных экспертных организаций — это не более чем «мыльные пузыри» и не соответствуют критериям качества, обычно предъявляемым к «мозговым центрам» [32]. Кроме того, многие сложности объясняются и тем, что научные сообщества по большей части замкнуты на себя и, следовательно, их аналитический продукт с трудом поддается приспособлению к информационному пространству государственного управления.

3. *Тематическая специализация и междисциплинарный подход.* «Мозговые центры», стремясь закрепиться и завоевать репутацию, часто идут по пути специализации исследований. Если центры, имеющие давнюю историю, проводят исследования по широкому кругу проблем, то недавно созданные чаще специализируются на одной или нескольких проблемах, а если предметом их изучения становится внешняя политика, то интерес фокусируется на каком-либо одном регионе мира. Специализация облегчает финансирование исследований из определенных фондов, помогает привлечь внимание средств массовой информации и политических деятелей к новым институтам, которые еще не имеют сложившейся репутации.

Содержательный анализ тематики современных исследовательских институтов проведен в преамбуле к пятому изданию Всемирного каталога *Think Tanks*, написанной японским специалистом Т. Сайто [47]. Он отмечает, что после событий 11 сентября 2001 г. в центр внимания американского экспертного сообщества сместились вопросы безопасности, регулирования ближневосточного конфликта, борьбы с терроризмом, распространения оружия массового поражения, исламского мира. Консервативно ориентированные институты, так называемые неоконсерваторы, также включились в эту не свойственную им тематику. К примеру, Центр стратегических и международных исследований (*CSIS*), ранее ориентированный на внешнеполитическую тематику, стал осуществлять такие проекты, как *Homeland Security Programme*, *Post-Conflict Reconstruction Project*, образовал *Task force on terrorism*. То же можно сказать и в отношении Совета по внешней политике (*CFR*), Корпорации РЭНД и Брукингского института. С их проектами можно ознакомиться в последнем издании каталога *NIRA* [45].

Исследовательские институты Юго-Восточной Азии выражают логику регионализации. В центре их внимания — проблемы межрегиональной интеграции, экономического развития этой части мира, инвестиционные темы. В Европе доминируют проблемы строительства ЕС, региональной безопасности и новой роли НАТО, трансатлантического сотрудничества. Интеграционный европейский процесс стимулирует строительство общеевропейской экспертной сети, внутри которой формируется контекст европейского дискурса. К примеру, Центр европейских политических исследований уже включен в пять трансрегиональных проектов, разрабатывающих европейскую проблематику.

К общей тематике, характерной для всех регионов мира, отнесены проблемы динамики глобализации, сопряжения регионализма и глобализма, глобальной коммуникации.

4. *Изменения в формате продукции «мозговых центров» и стратегиях ее распространения.* Эффективной формой стали *working paper* — краткие аналитические сводки или авторские интерпретации в доступной форме изложения. Благодаря Интернету изменились способы распространения интеллектуальных продуктов «мозговых центров» и информации организационного характера.

5. *Создание коалиций (сетей).* Сравнительно новым явлением стала практика формирования экспертных сетей. Этот феномен проанализировали российский исследователь А. Макарычев в 2003 г., рассматривая сетевое сотрудничество исследователей и структур как новый относительно эффективный механизм организации профессионального знания [16], и американская ученая Д. Стоун, исследуя концепцию «политического трансферта» [49; 50]. Одними из первых предло-

жили термин «политический трансферт» Д. Доловиц и Д. Марш [38; 39].

Под влиянием трансферта могут происходить: отход от устаревших норм и догм; появление нового формата продуктов интеллектуального труда; обострение соперничества между участниками рынка экспертизы за финансовые и технические ресурсы; возникновение новых возможностей для самовоспроизводства наиболее успешных практик, ставших следствием международных обменов. При этом формируются поля взаимного пересечения различных сетей. Обмен ресурсами дает, как правило, синергетический эффект. А возможные результаты «трансферта знаний» состоят в гармонизации и сближении интересов различных акторов, в том числе путем формирования «консенсусного знания», которое разделяет большинство элиты; диффузии знаний, выступающей в «кодифицированной» (публикации, конференции и пр.) и «подразумываемой» (общие представления) формах; распространении удачного опыта; создании более конкурентной среды как внутри региона, так и на межрегиональном уровне; расширении почвы для инноваций.

К ключевым элементам сетевой экспертной деятельности относят: создание «площадок» для коммуникации с ключевыми политическими игроками, что соответствует стремлению научных сообществ приобрести качества, необходимые для общественной экспертизы актуальных проблем [15, с. 43]; разработку инструментария и методологии для решения практических проблем; генерирование и распространение идей, их защиту в ходе публичного обсуждения; сервисные (контрактные) услуги по заказам государственных или бизнес-структур; выработку рекомендаций, облегчающих стабильное и устойчивое развитие общества [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антюхина-Московченко, В. И. Основы теории международных отношений / В. И. Антюхина-Московченко, А. А. Злобин, М. А. Хрусталева. М.: МГИМО, 1980.
2. Барабанов, О. Н. Управление внешнеполитической деятельностью в России // Эффективность осуществления государственного управления в России. М.: Ин-т права и публичной политики, 2002. С. 170–183.
3. Богатуров, А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. М.: НОФМО, 2002.
4. Богатуров, А. Д. Системный подход и изучение международных отношений // Мир между двумя войнами. Избранные документы по истории международных отношений 1910–1940-х годов / сост. А. В. Мальгин. М.: МГИМО МИД РФ, 1997. С. 5–13.
5. Внешнеполитические исследовательские центры США и Канады: справочник / Л. Б. Берзин [и др.]. М.: ИСКРАН, 1997.
6. Далныкова, Р. Н. Методология и методика прогнозирования внешней политики некоммунистических государств: опыт системной организации понятий. М.: Гл. ред. восточ. лит., 1986.
7. Делягин, М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации: курс лекций. 3-е издание. М.: Инфра-М, 2003. С. 282–285.
8. Диксон, П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004.
9. Карданская, Н. Л. Основы принятия управленческих решений: учеб. пособие. М.: Рус. деловая лит., 1998.
10. Киллен, К. Вопросы управления. М.: Экономика, 1981.
11. Кобринская, И. Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М.: Междунар. отношения, 1986.
12. Кожокин, Е. М. Перспективы исследований по тематике политических процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Рос. ин-т стратегических исследований. Режим доступа: <http://www.riss.ru/cgi-bin/riss.cgi?action=lib_view_entry&id=38&came_from=reports&lang=ru>. Дата доступа: 13.08.2006.
13. Косолапов, Н. А. Социальная психология и международные отношения. М.: Наука, 1983.
14. Макарычев, А. С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на Балтийский регион. [Электронный ресурс] // Мегарегион — сетевая конфедерация. Режим доступа: <http://megaregion.narod.ru/articles_text_2.htm>. Дата доступа: 09.06.2006.
15. Макарычев, А. С. Управление экспертными ресурсами: оценка институциональной эффективности // Building International Strategy and Management Skills: материалы Междунар. конф. участников проекта ТЕМПУС JEP-21099-2000. Н. Новгород: НГЛУ, 2001. С. 43.
16. Макарычев, А. Проектные сети, трансферт знаний и идея «обучающегося региона» // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2. С. 32–49.
17. Международные исследования в России и СНГ. Научно-аналитические и образовательные центры, ученые и специалисты в области международных отношений, внешней политики и безопасности: справочник / сост.: Ю. К. Абрамов [и др.]; отв. ред.: А. Д. Богатуров, А. В. Кортунов. М.: Москов. рабочий, 1999.
18. Механизм формирования внешней политики США / П. Т. Подлесный [и др.]. М.: Наука, 1986.
19. Мильнер, Б. З. Организация программно-целевого управления. М.: Наука, 1980.

20. Мильнер, Б. З. Системный подход к организации управления / Б. З. Мильнер, Л. И. Евенко, В. С. Рапопорт. М.: Экономика, 1983.
21. Поздняков, Э. А. Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.
22. Попова, Е. И. Внешняя политика США в американской политологии / отв. ред. А. И. Уткин. М.: Наука, 1987.
23. Решетников, С. В. Системный подход как методология анализа публичной политики / С. В. Решетников, Н. А. Антанович. Минск: ИСПИ, 2000.
24. Решетников, С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск: Академия управления при Президенте Респ. Беларусь, 2003.
25. Римский, В. Фабрики мысли, центры демократии и центры публичной политики / В. Римский, А. Сунгуров // Фабрики мысли и центры публичной политики: международный и первый российский опыт. СПб.: Центр «Стратегия», 2002. С. 6–29.
26. Рич, М. Д. Корпорация РЭНД: как «мозговые центры» взаимодействуют с военными [Электронный ресурс] // Внешняя политика США. 2002. Т. 7. № 3. С. 25–28. Режим доступа: <<http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/ijpr1102.pdf>>. Дата доступа: 09.06.2006.
27. Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2000.
28. Фатхудинов, Р. А. Разработка управленческого решения: учеб. пособие. М.: Бизнес-школа Интел-Синтез, 1997.
29. Хантер, Р. Э. Аналитические центры помогают формировать американскую внешнюю политику и политику в области безопасности [Электронный ресурс] // Внешняя политика США. 2000. Т. 5, № 1 С. 33–36. Режим доступа: <<http://usinfo.state.gov/journals/itps/0300/ijpr/ijpr0300.pdf>>. Дата доступа: 09.06.2006.
30. Хасс, Р. Н. Мозговые центры и американская внешняя политика: точка зрения политика [Электронный ресурс] // Внешняя политика США. 2002. Т. 7. № 3. С. 5–9. Режим доступа: <<http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/ijpr1102.pdf>>. Дата доступа: 09.06.2006.
31. Хрусталева, М. А. Системное моделирование международных отношений. М.: Междунар. отношения, 1987.
32. Цепляев, В. В коридорах власти пахнет анализами / В. Цепляев, Л. Пивоваров // Аргументы и факты. 2002. № 33.
33. Шабров, О. Ф. Системный подход и компьютерное моделирование в политологическом исследовании // Обществ. науки и современность. 1996. № 2. С. 100–111.
34. Шейдина, И. Л. США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М.: Наука, 1973.
35. Abelson, D. E. American think-tanks and their role in US foreign policy. N. Y.: St. Martin's, 1996.
36. Certo, S. C. Principles of modern management: functions and systems. Dubuque: Wm. C. Brown Company Publishers, 1983.
37. Dickson, P. Think Tanks. N. Y.: Atheneum, 1971.
38. Dolowitz, D. Who Learns from Whom: a Review of the Policy Transfer Literature / D. Dolowitz, D. Marsh // Political Studies. 1996. Vol. 44. N 2. P. 343–357.
39. Dolowitz, D. Learning From Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy Making / D. Dolowitz, D. Marsh // Governance. 2000. Vol. 13, N 1. P. 5–24.
40. Europe and its think tanks: a promise to be fulfilled: an analysis of think tanks specialised in European policy issues in the enlarged Euro-pean Union [Electronic resource] / Directed by Stephen Bousher // Studies and Research. October, 2004. N 35. Mode of access: <<http://www.notre-europe.asso.fr/IMG/pdf/Etud35-en.pdf>>. Date of access: 29.05.2006.
41. Garnett, M. Think tanks of the world: global perspectives on ideas, policy and governance / M. Garnett, D. Stone. N.Y.: St. Martin's, 1998.
42. Higgott, R. The limits of influence: foreign policy think tanks in Britain and the USA / R. Higgott, D. Stone // Review of International Studies. 1994. Vol. 20. N 1. P. 5–34.
43. Kohn, M. Dynamic managing: principles, process, practice. Menlo Park, Calif.: Cummings Publishing Company, 1968.
44. Newsom, D. Foreign Policy and Academia // Foreign Policy. 1995–1996. № 101. P. 58–62.
45. NIRA's World directory of Think Tanks: 2005 / 5-th ed. Tokyo, 2005.
46. Rich, A. Think tanks, public policy and the politics of expertise. N.Y.: Cambridge University press, 2004.
47. Saito, T. Introduction: September 11, Globalization, and Think Tanks // NIRA's World directory of Think Tanks: 2005 / 5-th ed. Tokyo, 2005. P. viii–xii.
48. Smith, J.A. The Idea Brokers: Think tanks and the rise of the new policy elite. N.Y.: Free Press, 1993.
49. Stone, D. Learning Lessons, Policy Transfer and the International Diffusion of Policy Ideas // CSGR Working Paper: Univ. of Warwick. April, 2001. N 69.
50. Stone, D. Non-governmental Policy Transfer: the Strategies of Independent Policy Institutes // Governance. 2000. Vol. 13. N 1. P. 45–62.
51. Stoner, J. A. F. Management / J. A. F. Stoner, R. E. Freeman. New Jersey: Prentice Hall, 1989.

«Экспертное обеспечение внешнеполитических решений» (Владимир Улахович)

Динамика международных отношений обуславливает необходимость создания механизмов подготовки, принятия и продвижения решений по вопросам международной деятельности государств с опорой на науку.

Наиболее известные приемы проработки внешнеполитических решений — сопоставительная, системная, процедурная методика, метод проблемного структурирования. Активное применение научных разработок указывает на развитие взаимосвязи практики и научного знания. Проблемой остается доведение мнения экспертов до лиц, принимающих решения. Преодолению издержек способствуют исследовательские структуры, целевые научные коллективы («фабрики мысли», в англоязычной версии — think tanks), которые впервые появились в США около 100 лет назад. Следующее поколение «фабрик мысли» возникает после Второй мировой войны. Привлечение научной мысли к разработке политической и государственной стратегии становится все более масштабным. В 70-е гг. XX в. возникает новая генерация экспертных структур с более широкими возможностями и функциями. Окончание «холодной войны» послужило новым толчком к их развитию.

«Фабрики мысли» играют важную роль в выработке и обсуждении решений, образуют основу для неформальной дипломатии. Они генерируют идеи, способствуют профессиональному росту политиков, чиновников и экспертов, повышают информированность граждан. Основная ниша их действия — пространство между академическим миром и структурами власти.

Наиболее общие тенденции эволюции «фабрик мысли» — количественный рост, сближение с политическими и государственными структурами, тематическая специализация и междисциплинарный подход, оперативный формат продукции, создание экспертных сетей.

«Expert Support of Foreign Policy Decisions» (Vladimir Ulakhovich)

Dynamics of the international relations causes the necessity of establishment of mechanisms of preparation, acceptance and promotion of decisions on issues of the international activity of the states with expert support.

The most known methods of the study of foreign policy decisions are comparative, systemic, procedural techniques and a method of problem structurization. Active application of research results indicates the developing interrelation between practice and scientific knowledge. A problem there is getting the experts' opinion across to the persons responsible for the decision-making process. Research structures, target scientific groups («think tanks»), which first appeared in the USA about a hundred years ago, promote the overcoming of the barrier. The next generation of «think tanks» arose after the Second World War. Involving scientific thinking in development of political and state strategy is becoming more large-scale. In the 1970s there came a new generation of expert structures with ampler opportunities and functions. The end of the Cold war gave a new impulse to their development.

«Think tanks» play an important role in informal diplomacy, development and discussion of decisions. They generate ideas, promote professional growth of politicians, officials and experts, raise citizens' awareness. The basic niche for their action is the space between the academic world and the authority structures.

The most general tendencies of the evolution of «think tanks» are quantitative growth, convergence with political and state structures, thematic specialization and interdisciplinary approach, an efficient format of product and the establishment of expert networks.